

Edward Luce

The Retreat of Western Liberalism

New York (NY): Atlantic Monthly Press, 2017

Когда рухнула Берлинская стена, напоминает читателю Эдвард Люс, “Запад” впал в некоторую эйфорию. Казалось, что сумма убеждений и соответствующих институтов, обозначаемая понятием “либерализм”, одержала решающую победу над своим оппонентом — авторитарной или совсем устрашающей “тоталитарной” традицией. Если обратиться к формулировкам Эриха Хобсбаума, кончился короткий (1914–1989 годы) и геноцидный XX век, утверждалось первенство европейской мысли с ее верой в “прогресс” — не только технический, но также правовой, социальный, моральный. Но быстро оказалось, что радоваться рано. “Решен ли вопрос о правах человека? Неумолим ли марш к свободе? Хочет ли весь мир быть «Западом»? В этом больше нет уверенности” (Р. 9).

В Китае и Индии, напоминает Люс, никогда и не было представления о линейном движении по пути морального совершенствования индивида и общества, без чего никакая либеральная эмансипация личности невозможна. В конце концов эти цивилизации

заимствовали у Запада идею материального прогресса, но в возможность морального прогресса так и не поверили. Между тем в этой части “незападного мира” живет добрая треть человечества. А в целом — больше половины, если вспомнить, что Африка и туземная Латинская Америка на сегодняшний день остаются вполне безразличны к европейской системе ценностей¹. В результате Запад выглядит как остров в окружении чуждого ему мира, который между тем растет на глазах — и демографически, и экономически. “Западный либерализм в осаде”, — пишет Люс (Р. 11).

¹ С этим, конечно, согласились бы Шпенглер или его эпигон Хантингтон. На самом деле это совсем не очевидно. Чисто спекулятивно можно предполагать, что либерализм — это характеристика не цивилизации, а классового сознания, в данном случае средних городских слоев. Чтобы получить этому эмпирическое подтверждение или опровергнуть это, нужно время, и, может быть, весьма длительное. Первые признаки движения за женское равноправие в Индии или в Египте заслуживают пристального внимания. Конечно, совсем другое дело системно-политические импликации либерализма как этики, но спекуляции на эту тему увели бы самого Люса далеко в сторону; как и он, не будем на них отвлекаться.

При этом автор сразу предупреждает, что главная опасность грозит западному либерализму изнутри, и в дальнейшем в его книге речь идет только об этом. Как выглядит эта угроза? Люс говорит о “внушительном возвращении веры в авторитарную версию нации как судьбы (national destiny)” (Р. 11). Эта несколько туманная фраза означает, проще говоря, что торжествует национализм. Правда, национализм, как все согласны, приобрел иной оттенок по сравнению с “революционным” национализмом начала XX века. Нынешние субъекты суверенно-национальной самоидентификации по крайней мере на словах не агрессивны по отношению друг к другу, а, наоборот, солидарны в желании не растворяться в глобальном единстве. Опрос, проводившийся World Value Survey, показал, что национальная идентичность (потребность в ней) сильнее, чем глобальная; два курьезных исключения — Колумбия и Андорра. Чем больше институционализируется связность мира, тем сильнее сопротивление этому процессу (Р. 72). “Всемирные элиты спровоцировали то, чего они больше всего боятся: популистское возмущение против единой мировой экономики” (Р. 73).

Теперь этот неонационализм превратился в политическую силу, меняющую силовое поле политической сферы еврогосударства, в котором все труднее сохранить демократию.

Каким образом это происходит? Люс цитирует Баррингтона Мура (Р. 12), говорившего, что без буржуазии нет демократии. Это очень сильный тезис, и согласиться с ним можно только с двумя оговорками. Во-первых, если понимать “буржуазию” не в духе “Коммунистического манифеста”, то есть не как “капиталистов”, “плутократов”, “олигархов”, а как тех, кого немцы называют “бюргерами” (по-французски это и есть в точности “буржуазия”), — то есть как “средние (городские) слои”. А кроме того, если иметь в виду не демократию в формальном смысле этого слова, то есть участие народа (масс) в управлении (самоуправлении), а то, что обычно называется “либеральной демократией”, — особым образом институционализированную партийно-представительную демократическую систему государственного управления.

Эта специфическая демократия, конечно, неизбежно проблематизируется, потому что центристские партии власти теряют свою социальную базу в результате размывания средних слоев (“буржуазии”) в еврогосударствах. В 2001 году треть американцев относилась к нижнему классу, в 2015 году — половина (Р. 45). Это происходит в ходе глобализации и технологической революции (главным образом автоматизации-роботизации). Какой из этих факторов играет здесь бóльшую роль — скорее всего, никогда не будет окончательно ясно; но так или иначе популизм предпочитает пока во всем обвинять глобализацию и субглобализацию (евроинтеграцию). Очевидно почему: для антиглобализма легче найти благовидное оправдание в виде “патриотизма”, который куда эффективнее для мобилизации масс. Представляется, что в сегодняшнем мире выступать против технических инноваций — значит признаваться в своей второсортности, к чему современный эмансипированный индивид психологически совершенно не готов.

Пока экономический рост был на пользу всем, пишет Люс, политическую игру в либеральном стиле было легко поддерживать. Но когда оказывается, что от экономического роста выигрывают не все, “новые бедные” могут утратить доверие к традиционным политическим партиям и всему “политическому классу”, или “истеблишменту”, поскольку это именно он двигает общество к глобализации со всеми ее эпифеноменами. И совершенно этого не скрывает. Эмблемой глобальной элиты, потерявшей способность кого-либо слушать, стал “Давос” (Р. 71). Объявляя его глобалистскую стратегию антинародной, западный популизм позиционирует себя как силу, продвигающую демократию. Люс называет ее “нелиберальной демократией”, которая противостоит “недемократическому либерализму”. Западный популизм — это нелиберальный ответ масс на недемократический либерализм (Р. 120)². История либеральной демократии — постоянное столкновение этих двух позиций, которые теперь

² Люс ссылается на голландца Каса Мюдде (Cas Mudde) как на изобретателя этой пары понятий и на Фариду Закарию как на автора термина «нелиберальная демократия».

оказались в прямом противостоянии друг с другом (Р. 120)³.

Интересно, что от темы “отступление либерализма”, заявленной в заголовке книги, Люс незаметно переходит к теме “кризиса демократии”. Или пользуется обоими понятиями как синонимами. Характерный пассаж (в несколько более компактном виде) выглядит так: “чем больше он [Трампа] пренебрегает американскими демократическими традициями у себя дома, тем большей опасности он подвергает их во всем мире <...> Западная либеральная демократия еще не умерла, но она гораздо ближе к коллапсу, чем многие хотели бы верить <...> американским либеральным традициям угрожает собственный президент” (Р. 184, курсив мой — АК).

На первый взгляд Люс небрежно обращается с терминологией, но даже если это небрежность, она не случайна. Для Люса настоящая демократия — это только либеральная демократия. Не случайно он называет нынешнюю форму демократической процедуры (с ее всеобщим избирательным правом, а теперь еще и с социальными сетями) “гипердемократией” (Р. 53), по меньшей мере намекая на то, что эта гипертрофия извращает самую идею демократии. В другом месте он называет концепцию “гипердемократии” “народной теорией демократии” (folk theory of democracy), что в академической и элитарной словоупотребительной практике имеет сильный пренебрежительный оттенок, поскольку относит это представление к обыденному (профанному) сознанию⁴. Люс также сочувственно ссылается на Платона, понимавшего демократию по прямому значению слова как “власть толпы”, что имело негативный смысл в античности и является не менее негативным теперь, с той лишь разницей, что теперь власть тол-

пы называют не демократия, а охлократия. (То, что Люс теперь называет демократией, Платон, вероятно, назвал бы либеральной демократией, если бы тогда такое понятие было известно.) (Р. 137–138).

К упадку либеральной демократии, или, если угодно, демократического либерализма, ведут разные пути. Она может пострадать от победы самого популизма. Пока популисты не предлагают никаких собственных конституционных идей, но никто не может погнаться, что, придя к власти, они не станут менять конституцию, как это произошло в Европе после Первой мировой войны в результате победы на выборах фашистских партий.

Впрочем, это может произойти даже при формальном сохранении либерально-демократической конституции. Для этого вполне достаточно, чтобы возникло устойчивое конформное большинство, например, как в сегодняшней России. Подобное развитие возможно даже в условиях реальной бесцензурности, то есть формальной свободы слова. Как справедливо замечает Люс, “правдивая информация” против популизма бесполезна. “Если мы не можем полагаться на правду, чтобы призвать Трампа к ответу, — пишет Люс, — можно ли полагаться на нынешнюю систему?” (Р. 131). Краткий ответ Люса — “будет видно”. Но в любом случае, продолжает автор, очевидно, что прочность нынешней демократической системы не гарантирована. Ее могут саботировать люди, которые завладеют ключевыми позициями в системе. Американская система разделения властей, как и вообще любая конституционная демократия, поддерживается людьми, которые занимают в ней ведущие позиции; “судьба самой большой в мире демократии, а стало быть глобальной демократии — в руках людей, имена которых нам не известны” (Р. 136).

Это несколько отдаёт теорией заговора, что, впрочем, не означает, что подобный сценарий надо исключить из рассмотрения, — скорее наоборот, это напоминает нам, что представление о “заговоре” не так уж вздорно, как принято считать в высокомерной и косной академической среде. Мне, как неамериканцу, кажется странным, что Люс (да и никто из американских авторов) не вспоминает

3 Вот почти идентичный пассаж из моей статьи: “На самом деле понятие свободы — центральное понятие не демократического идеала, а либеральной доктрины. И их совмещение было совсем не простым делом” (См.: *Демократия: наше все или только половина* // Неприкосновенный запас. 2007. №5) Я рад этому совпадению и думаю, что если поискать, то найдется еще немало похожих констатаций. Жаль, что это наблюдение так до сих пор и не вышло в центр политологического дискурса.

4 Я, напротив, думаю, что именно это простое понимание демократии и должно быть принято в научном дискурсе. В статье, упомянутой чуть выше, я как раз пытаюсь объяснить почему.

в этой связи образец американской литературной классики — роман Синклера Льюиса “У нас этого не может быть” (*It can't happen here*). В нынешней обстановке эта ассоциация просто напрашивается.

Другая тревожная тенденция, по мнению Люса, — нарастающее неверие в демократию, о котором свидетельствуют многочисленные опросы. Люс не уточняет, какая именно демократия имелась в виду в этих опросах и какими чувствами сопровождается это неверие — сожалением или злорадством по поводу проблем, с которыми сталкивается демократия. Похоже, что автор этим не поинтересовался и считает, что опросы по умолчанию отражают мнение таких, как он сам, — сторонников именно либеральной демократии, которые готовы отказаться от любой другой. Мы привыкли думать, пишет Люс, что народ поддерживает демократию из принципа. Но это так, только пока дела идут хорошо (Р. 103) или пока сохраняется память об авторитарном прошлом. Поколения, пережившие фашизм и холодную войну, высказываются в пользу демократии. Но только одна треть следующего поколения отдает ей предпочтение (Р. 121–122). (*Подробнее об этом см. статью Роберта Стефана Фoa и Яши Мунка “Опасность деконсолидации: демократический раскол” в Контрапункте, №7 (URL: http://www.counter-point.org/7_foa_munk/ (доступ 25.03.2018) — Прим. ред.*) Растет число тех, кто высказывается в пользу авторитарного и даже военного режима (Р. 122). Но самое неприятное, по мнению Люса, что веру в демократию теряют состоятельные слои. Еще в 90-е годы они были настроены в пользу демократии больше всех, теперь — в наименьшей степени (Р. 122).

Таким образом, оба продукта разложения либеральной демократии — “нелиберальная демократия” и “недемократический либерализм” — теснят ее с двух сторон. Можно ли ее спасти?

Люс пытается найти пригодную для этого партийную платформу. Он обозначает ее популярной этикеткой “новый социальный компакт”⁵. Содержание этого “компакта”:

5 В современном политическом дискурсе вместо более привычного с 1930-х годов понятия “социальный контракт”, введенного социал-демократами, все чаще используется понятие “социальный компакт” (new social compact).

доступное здравоохранение; гуманные иммиграционные законы; восстановление зависимости социальной помощи от гражданства (соцстрах — туземцам); либерализация национального трудового законодательства; свобода слова; упрощение налогообложения; налог на экологически вредные продукты; обязательная уплата налогов в стране, где капитал реально функционирует; “план Маршалла” для профессиональной переподготовки средних слоев. И прежде всего — освобождение законодательства от “денежного лобби” (Р. 198).

Это стандартный неолиберальный набор, с некоторыми остатками социал-демократического консенсуса и экологическими поправками. В редакции Люса в него внесены серьезные уступки популизму. Люс согласен, что для сдерживания популизма истеблишменту придется умерить глобализм. Он сочувственно цитирует Лоренса Саммерса, пустившего в ход выражение “ответственный национализм”: “первая задача правительств — обеспечить максимум благополучия своим гражданам, а не преследовать абстрактную идею глобального блага”. Глобальным элитам предлагают ориентироваться на то, как народ видит мир, а не наоборот (Р. 71)⁶.

Удастся ли с помощью этой повестки удержаться на плаву политическую сферу нынешнего еврогосударства, построенную на основе либеральной демократии? Едва ли. Именно она вызвала к жизни популизм и поставила либеральную демократию под сомнение. А сейчас возникает впечатление, что эта повестка неуклонно вытесняется и скоро вообще будет вытеснена в сферу административных полномочий.

Новая повестка потребует новой политической сферы. Люс, мне кажется, сам это чувствует, потому что в конце добавляет к своему списку еще одну тему: “переизобретение” или “преображение” (reimagining) демократии (Р. 198). К сожалению, он почти ничего не говорит о том, как эта “преображенная” демократия может выглядеть. Он лишь упоминает разные проекты ограничения

6 Former Treasury Secretary Larry Summers Calls For “Responsible Nationalism” // NPR. 2016. July 11th. URL: <https://www.npr.org/2016/07/11/485593480/former-treasury-secretary-larry-summers-calls-for-responsible-nationalism> (доступ 25.03.2018).

избирательного права, что вернет нынешнюю систему к “буржуазной” демократии XIX века, хотя, вероятно, с другими цензами. В книге совсем ничего не сказано о многочисленных, хотя и все еще периферийных проектах в парадигме “экспериментальной демократии”, намеченной впервые Джоном Дьюи⁷.

Более интересны соображения Люса по поводу влияния популизма и кризиса демократии на международные отношения и мировой порядок. Геополитика Вашингтона вызывает у автора серьезное недовольство как прямое следствие националистического синдрома, проявившегося, конечно, еще до появления его крайне плоского и вульгарного варианта в исполнении Трампа.

Самыми важными для наступающего мирового порядка кажутся отношения между Вашингтоном и Пекином. Конфронтация с Китаем нарастает еще со времен Клинтона. Трамп окружен явно антикитайски настроенными консультантами (Р.156–157). И вполне вероятно, что нынешний президент США создаст ситуацию, которую не сможет потом контролировать (Р. 161).

До Трампа Вашингтон мог настаивать, что только он может играть брешь мирового гегемона, поскольку Китай — авторитарное государство и у него нет союзников (Р. 165). Но может ли на эту роль претендовать сама Америка? Буш-младший и Трамп подорвали авторитет Вашингтона (Р. 166–167), а политика Трампа по отношению к Китаю не продумана и заведомо неэффективна. Трамп пытается давить на Китай, обвиняя его (вполне обоснованно) в антилиберальных грехах и торговом демпинге. Но одновременно президент США разрывает Тихоокеанское торговое партнерство и тем самым портит отношения с соседями Китая. Люс считает, что Вашингтон должен восстановить отношения партнерства — оживить союз с Японией, не забывать Индию, уговорить Тайвань возобновить переговоры по концепции “одна страна — две системы” (Р. 167–168). Трамп также должен понять, что Китай совсем не уверен в своей стабильности — неизвестно, что лучше для мира, сильный или слабый Китай (Р. 168). Я не верю, говорит Люс, что Китай распадется,

7 DEWEY J. *The Public and its Problem*. New York (NY): Holt, 1927.

но при этом власти КНР постоянно испытывают опасения по поводу целостности своей страны (Р. 169)⁸.

Кроме всего прочего, настаивает Люс, обязательно надо убедить Китай, что Вашингтон считает катастрофой попытки разрешения конфликтов (в частности, с Пекином) военными средствами и категорически исключает возможность своего участия в вооруженном конфликте. Это необходимо сделать, потому что нынешняя ситуация тревожным образом напоминает ситуацию 1914 года. Экономике, конечно, переплетены, и общественность успокаивает себя тем, что это делает войну невыгодной для всех. Но никто не хотел войны и тогда.

Эта ситуация известна как “ловушка Фукидида”. Первый случай этого рода — война “сверхдержавы” Спарта против ее восходящего соперника Афин. Из пятнадцати аналогичных ситуаций после XVI века одиннадцать привели к войне. Последний случай такой “ловушки” — соперничество Англии и Германии на рубеже XIX–XX веков (Р. 155)⁹. Не так уж абсурдно представить себе, что Трамп может спровоцировать войну с Китаем.

Столь же опасной может оказаться вдохновленная популизмом антиисламская риторика. Ни Буш-младший, ни Обама не отождествляли терроризм с исламом и всячески подчеркивали равноправие мусульман со всеми другими конфессиями в Америке. Трамп отказался от этого умиротворяющего тона и охотно повторяет, что Запад, дескать, всегда вел войну с исламом и так будет и впредь (Р. 182).

Люс считает, что Вашингтон легкомысленно игнорирует идею многополярной системы международной безопасности, которую пустил в ход Примаков, а Путин подхватил. Он вспоминает, что в 2016 году на конференции в Москве российские участники поразительно часто вспоминали Вен-

8 Предположение, что Китаю угрожает распад, сейчас никто не принимает всерьез, и то, что Люс делает шаг в сторону от этого укоренившегося предрассудка и констатирует, что сам Пекин его не разделяет, свидетельствует о способности автора взглянуть на вещи свежим взглядом.

9 ALLISON G. *The Thucydides Trap: Are the U.S. and China Headed for War?* // The Atlantic. 2015. September 24th. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/09/united-states-china-war-thucydides-trap/406756/> (доступ 25.03.2018).

ский конгресс 1815 года, явно намекая на то, что неплохо бы и теперь, как тогда, установить концерт великих держав с участием России. Но Вашингтон, не желающий отказываться от роли триумфатора, пропустил это мимо ушей. По мнению Люса, у Вашингтона по-прежнему остаются большие возможности для устройства многополярного мира, но Трамп окончательно бросает их на ветер (Р. 169).

Ошибочные действия или опасное бездействие Вашингтона под управлением Трампа — следствие его популистской ориентации. Они угрожают мировому порядку, все еще не оформленному после конца холодной войны. Но не только этим опасен популизм. Люс завершает свою книгу таким пассажем: “К худу или к добру — а я думаю, по большей части к добру, — американская демократия вот уже 70 лет привязана к международной политике. Американская идея неизменно оказывалась важнее, чем ошибки Америки, даже когда она была лицемерной, как в случае “войны против террора” или на некоторых отрезках холодной войны. Связь между системой (*демократией* — АК), которая существовала

в самой Америке, и системой, которую она продвигала в мире, никогда не прерывалась, хотя иногда оказывалась запятнана”. Иными словами, американская демократия была фактором укрепления демократии во всем мире. Но теперь “Трамп переворачивает эту связь. Чем больше он подрывает демократические традиции в своей стране, тем больший ущерб демократии он наносит за рубежом” (Р. 183).

Александр Кустарев